

УДК 316.7

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЕМЬИ: ФАКТОРЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ

© 2016 г.

В.П. Козырьков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kozir3@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 01.10.2015**Статья принята к печати 12.01.2016*

Анализируются новые тенденции развития семьи с точки зрения социокультурного содержания жилища. Автор высказывает гипотезу, что альтернативная форма семьи будет не отрицанием существующих форм, а их развитием путем обогащения семейных отношений необходимыми элементами культуры, ростом коммуникационных возможностей жилища и его взаимодействием с публичной сферой. Возникновение электронных коммуникационных технологий, обогащенных предшествующими формами культуры семейных отношений, позволяет семейному жилищу быть не только «умным», но и включенным в широкую социокультурную среду. Показано, что механизмом воспроизводства этой среды и социокультурного содержания жилища является взаимодействие частной и публичной жизни.

Ключевые слова: социология, стереотип, семья, форма семьи, жилище, культура, социальные коммуникации, социокультурная концепция семьи.

Постановка проблемы

Современное общество столкнулось с проблемой развития семьи, которая стала неожиданной для людей, шагнувших в XXI век. Представлялось, что в этом веке все будет инновационным настолько, что ничего общего не будет иметь с прошлым, поэтому новую форму семьи назвали «альтернативной», полагая, что она является противоположностью всем формам семьи, которыми жили их отцы и деды. Однако в действительности оказалось, что альтернативная семья является давно известной формой свободной любви, сожительства, а то и более раннего, неупорядоченного состояния брачно-семейных отношений. Все инновационное оказалось глубокой архаикой.

Данная статья тоже посвящена альтернативной семье, но не той, которая пришла на смену патриархальной. Но и не той, которая сейчас утверждается как альтернативная в молодежной среде. Тем более не той, которая стала сейчас развиваться в свободном западном обществе, находящем альтернативу традиционной семье в однополости супругов. Статья посвящена анализу предпосылок и тенденций становления социокультурной формы семьи, которая существует в реальной жизни в самых разных видах и на разных уровнях развития, но часто еще не осознается нами как действительная альтернатива, которая может быть способом выхода семьи из кризиса.

Тенденций этих достаточно, но многие из них связаны с развитием новых видов социальной коммуникации, жилища и культуры общества в целом. Например, далеко не случайно возникла современная потребность превращения виртуальной реальности в домашнее пространство. И наоборот: потребность конвертировать домашнее пространство в виртуальное, размещая в информационной сети фото своей семьи и своего дома. Но уже давно известны исследования детской психологии [1–4] о формировании в семье языка, навыков общения, эмоций, трудовых умений и других атрибутивных качеств человека, позволяющих утверждать, что именно семья является первичным социальным пространством инкультурации человека. Но для нас важно подчеркнуть, что это происходит только в том случае, когда семья обладает соответствующими элементами и средствами культуры. Следовательно, вся наука и все искусство родительской педагогики будут заключаться в том, чтобы создать ребенку соответствующую социокультурную среду. Таким образом, современная семья находится в сложных условиях и ее альтернатива не в том, чтобы изменить форму брака и проживания, а в том, чтобы найти эффективный способ освоения культуры, который позволит качественно изменить процесс инкультурации и воспитания, процесс, условия для которого возникают с высокими коммуникационными технологиями. И все же в статье речь пойдет о традиционных

механизмах культуры, которыми для нас будут выступать жилище и взаимодействие частной и публичной жизни. Их роль в становлении социокультурной формы семьи тоже существенно изменяется, поэтому важно раскрыть определенные тенденции в этом направлении.

Разумеется, наши суждения могут быть только теоретической гипотезой, но она опирается на тот очевидный факт, что семья находится в кризисном состоянии. Как известно, если возникает кризис, то существуют и различные средства выхода из него. Задача состоит в том, чтобы найти и осмыслить эти средства. Понятно, что, в конечном счете, выход из кризиса люди найдут сами по мере развития форм семьи, семейных отношений и культуры общества. Однако всегда важно знать, в каком направлении будет развиваться этот процесс и что будет происходить с семьей в будущем.

Разумеется, в одной статье эта общая проблема не может быть целью исследования, поэтому мы конкретизируем общую гипотезу теоретическим анализом лишь одного из направлений становления социокультурной формы семьи на основе единства семьи и жилища, соотношения частного и публичного в развитии семьи. С этой точки зрения, альтернативность современной семьи заключается в том, что она развивается путем создания нового типа жилища, позволяющего обогатить внутрисемейные отношения новыми духовными ценностями, эмоциями и культурными традициями на основе взаимодействия частного и публичного.

Преодоление стереотипов о сущности семьи как предпосылка разработки ее социокультурной концепции

Понимание новой формы семьи как социокультурного феномена и решающей роли жилища в его развитии еще не получило развития в социологии, поэтому важной задачей в разработке социокультурной концепции семьи является критика существующих стереотипов понимания сущности семьи.

Дело в том, что до сих пор распространены стереотипы, которые фиксируют лишь внешние признаки семьи, характерные для современного общества, но не выражающие социальных противоречий, которыми обусловлен кризис семьи. В результате на семью перекладывается ответственность за социальные проблемы, решение которых под силу только экономическим институтам, общественным организациям и государству. В частности, проблемы образования и воспитания, здравоохранения и физической культуры, социального насилия и девиации. Мы обратим внимание на ряд стереотипов, но в

большей мере на те, в которых сущность семьи раскрывается в отдельности от жилища.

Теоретическое лишение семьи жилища

Вот уже третье столетие нам говорят, что семья – социальный институт, общность, малая группа, но без всякой связи с пространством, в котором она проживает. Получается, что семья есть явление чисто социальное, включающее в себя отношение супругов и детей, а дом – лишь внешнее пространство, в котором все эти отношения совершаются. Поэтому все определения социального содержания семьи, включая его изменение во времени, даются без учета ее пространственно-вещественной формы. Но тем самым семья изымается из культуры как ее стержневой элемент, так как только при наличии соответствующего жилища семья приобретает соответствующую культурную оболочку, позволяющую человеку воспроизводиться и развиваться.

Однако вся история домоустроительной практики показывает, что она есть, одновременно, и практика формирования, сохранения и развития семьи, а не только архитектура и промышленное строительство [5–7]. Поэтому отделение семьи от дома в области теории, отделение содержания семейных отношений от ее материальной культурной формы, лишение семьи главного условия организованного протекания семейной жизни человека является идеологической предпосылкой оправдания неизбежности разрушения семьи. Причем эта неизбежность облекается в форму свободы личности.

В прямом виде в социальной теории факт необходимости жилища для существования семьи не оспаривается. Об этом много говорят политики, и принимается много решений государства для решения жилищной проблемы. И, тем не менее, жилище не входит в определение понятия семьи, а вместе с ним не входит в определение семьи и материальная культурная составляющая. Как следствие такого подхода – семья тоже не определяется как ценность культуры, а культура игнорируется в определении семьи.

Проиллюстрируем такое стереотипное понимание семьи анализом нескольких примеров. Разумеется, мы не подвергаем критике сами справочники, учебники или социологические концепции уважаемых авторов.

В «Википедии», самой популярной ныне энциклопедии, семья определяется как «социальная система воспроизводства человека, основанная на кровном родстве, браке или объединяющая людей общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомо-

щью» [8]. Вообще-то семья возникает как союз совершенно чужих людей, и лишь потом появляются дети, а с ними и кровное родство. Хотя и с этим всегда бывает проблема, так как дети могут быть приемными или суррогатными. Для семьи, как показывает жизнь, брак тоже не обязателен, тем более что брак бывает разный. Брак есть лишь форма общественного признания семьи, ее легитимация. И если молодые люди отказываются от государственной формы брака в создании семьи, то остается гражданская, религиозная или иная, языческая форма легитимации семейного союза.

Но главное, что в приведенном определении нет ни слова о жилище, так как «общность быта» может быть у семьи на производстве и в общегородской среде. И чтобы быть системой воспроизводства человека, семья должна включаться во всю систему культуры, так как именно культура есть способ воспроизводства человека, а семья есть субъект этого процесса. А если нет соответствующего жилища, то такое включение и воспроизводство человека будет носить случайный и ограниченный характер.

Видимо, такое сетевое понимание семьи навеяно определением семьи английского социолога Э. Гидденса. Именно Э. Гидденс считает, что «*семья* — это группа людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми» [9, с. 156]. Кажется бы, все верно. Но здесь мы ничего не узнаем о культуре. О жилище тоже ничего не говорится, как и о быте. Правда, в том же учебнике Э. Гидденс утверждает, что «поиск личностного и сексуального самовыражения в отношениях влюбленной пары является таким же естественным, как и их желание иметь общее жилище» [9, с. 25]. Получается, что жилище необходимо для влюбленных, а для семейной пары оно не нужно. К тому же речь идет только о том, чтобы иметь жилище, и ничего не говорится, каким оно должно быть и для чего. Рассматривая эволюцию семьи, социолог приходит к выводу, что «к концу XX столетия стало общепризнанным, что семья представляет собой (или должна представлять) закрытый для посторонних мир, в котором первостепенное значение имеет эмоциональная и сексуальная близость между мужем и женой» [9, с. 369]. Такой мир можно создать только в жилище, но Э. Гидденс об этом прямо не говорит, поэтому мы вольны считать, что таким пространством может быть какое-то другое жилое помещение. Но все эти очевидности и недоговоренности порождают представление о том, что семья и жилище — явления, внутренне

не связанные друг с другом, и культура не включена в семейные отношения даже той их частью, которая выражает отношения полов.

Близким к толкованию Э. Гидденса является определение семьи в учебном пособии В.И. Лавриненко. Семья определяется как «малая группа, основанная на кровнородственных связях и регулирующая отношения между супругами, родителями и детьми, а также ближайшими родственниками» [10, с. 241]. И тут же подчеркивается, что «отличительным признаком семьи является совместное ведение домашнего хозяйства» [10, с. 241]. То, что семья есть малая группа, стало общим местом. Между тем мы все часто говорим о влюбленной или супружеской паре, а пара — это еще не группа. Семья может быть малой группой, когда появятся дети, но не любая семья есть малая группа. Кроме того, семья, в которой дети обзаводятся своими семьями и один из супругов умирает, все же остается семьей с социокультурной точки зрения, но только уже в лице одного человека, а не группы. Ее семьей делает то, что остаются родовое гнездо, семейные ценности, общие вещи, которые были средством приобщения детей к семейной и общей культуре. Сейчас дом становится и мощным информационно-коммуникационным центром. При этом мы не должны впадать в старое искушение полагать, что таким образом происходит фетишизация вещей, и приклеивать ярлык мещанства. Культ домашних вещей есть культ самого человека, а не мертвых вещей. Вне этих вещей человеческие качества и свойства не формируются и долго не существуют. Опредемяясь в кругу близких для него вещей, человек приобретает устойчивость своего бытия, а домашние вещи становятся органом проекции человека и его отношений в семье, наполняя его жизнь осмысленным во времени и стабильным существованием.

Без учета мира вещей, которые человека окружают дома, он не может отдыхать, развлекаться, заниматься гимнастикой, воспитывать детей, смотреть телевизор, читать, слушать музыку, связываться через Интернет с другими домами и совершать множество других действий, перечислить которые невозможно. Многообразие этих действий разнится в зависимости от типа культуры, от места проживания, от сложившегося семейного уклада и других факторов. Однако стереотип в оценке дома с акцентом на домашнем хозяйстве весьма распространен в силу его экономической важности. Его крайней формой можно назвать то, что в статистических сборниках говорится о домашнем

хозяйстве бомжей, то есть людей бездомных, но имеющих домашнее хозяйство.

Приписывание семье и домохозяйству роли главной социальной детерминанты

Преувеличенная оценка роли семьи может иметь и более общий характер. Так, С.Ю. Барсукова пишет: «Удивительная устойчивость домохозяйства в изменяющейся среде стала поводом называть его "вечной и неизменной" ячейкой социума. И хотя это явное преувеличение, и домохозяйство эволюционирует, для человека его дом и близкие олицетворяют стабильность и устойчивость. Вычтем из повседневной жизни все сюжеты, связанные с домашним хозяйством, и картина социальной реальности потеряет целостность» [11, с. 21]. Роль домохозяйства в этом суждении явно преувеличена. И преувеличение возникает тогда, когда интегрирующие функции в обществе утрачивают такие социальные институты, как экономика и государство. Культура даже не упоминается. В этих условиях, когда все социальные связи распадаются, семья остается единственным социальным институтом, который сохраняется в силу наибольшей его привязанности к биологическим факторам жизни человека. И воспроизводит семья в данной ситуации уже не общество, не его целостность, а человека в его индивидуальных и элементарных атрибутах. Следовательно, в этом случае для каждого человека семья начинает выступать в роли «культуры», не обладая соответствующими возможностями и функциями. Семья и дом вытесняют культуру. Семья и дом становятся единственными субъектами и носителями социальных отношений и культурных ценностей. То есть семья подменяет собой и общество, и культуру. Не спасает положение и то, что все большее значение приобретают телевидение и Интернет, так как они действуют на человека опосредованно, через структуру отношений в доме.

Таким образом, семья может остаться единственным способом социальной взаимосвязи людей и, как следствие, детерминации, если не учитывать, что существует еще такой современный интегрирующий фактор, как культура в целом. И если мы этого не будем учитывать, то семья не справится с отведенной ей задачей. Общество просто распадется, редуцируясь к простому сожительству людей, а если точнее — к тем архаичным формам брака и семьи, которые мы знаем по учебникам истории. И так происходит всегда, когда семья выводится за рамки культуры.

Но и культура вне семьи приобретает характер внешнего детерминирующего фактора, при-

водя к «зависанию» процесса инкультурации человека. Создается ситуация, когда главной ценностью для человека становится устраненность от каких-либо социальных и культурных обязательств. Культура становится чужой, и человек находит иные источники и основания самоидентификации. В лучшем случае — в иной культуре. Но чаще всего — в биологических или психических факторах. Отсюда популярность гендерной тематики и психологии в дискурсах о семье.

Но самое главное, что нужно подчеркнуть, семья чаще всего выступает лишь в роли активного транслятора ценностей социализации, которыми обладают большие общности (род, племя, народность, нация) и которые имеют более устойчивый и длительно существующий характер. Возложение на семью роли главного субъекта и института социализации было бы не совсем верно, так как тем самым мы снимаем ответственность с других институтов социализации.

Развитие семьи как социокультурный процесс развития жилища

Становление и развитие семьи неотрывно от развития жилища и культуры общества в целом в той мере, в какой она освоена семьей и существует в виде окружающей социокультурной среды в жилище, вокруг него и во взаимодействии с другими семьями и жилищами. Поэтому жилище есть социокультурная форма пространственной организации и воспроизводства семьи, а то, что люди предпочитают не регистрироваться, говорит о том, что жилище для семьи имеет существенно большее значение, чем юридическое ее оформление в форме регистрации брака. И значительно большее, чем пространство для ведения совместного хозяйства и реализации репродуктивной функции семьи.

Строго говоря, важно не наличие жилища вообще, а наличие необходимого для развития семьи жилища: с необходимой внутренней социокультурной средой, с новыми средствами социальных коммуникаций, с новыми возможностями общения между членами семьи и ее гостями. Следовательно, в социологии важно показать, какова семья без жилища и как изменяется семья по мере его приобретения и обживания, включаясь в новую, более богатую социокультурную среду. Показать, какое возникает противоречие в структуре семьи, когда появляется необходимость в приобретении нового жилища. Но часто создается впечатление, что в раскрытии сущности семьи важно указать, что жилищем важно лишь обладать, а не то, каким жилище должно быть и с какой целью оно используется.

Как семья в ее социокультурной форме не существует без жилища, так и жилище без семьи есть лишь помещение. Приобретая социокультурную форму, жилище становится домом [12]. Жилище есть пространство, в котором аккумулируется необходимая культура воспроизводства и развития семьи.

Для преодоления стереотипов о возможности бездомной семьи важно выяснить причины их возникновения. Представляется, что общая причина возникшего стереотипа о несущественности жилища в определении семьи не в самой социальной теории, которая что-то там не учла или что-то определила в понятии семьи не так. Социология лишь фиксирует реальное положение вещей. Причем такую взаимосвязь человека и жилища, которая сложилась в Новое время. Только в Новое время, когда возникло крупное машинное производство, породившее класс наемных работников и превратившее семью в субъект промышленного производства. Семейные отношения в это время стали очищаться от социокультурной оболочки: стали исчезать семейные традиции, близкие и эмоционально насыщенные родственные отношения стали превращаться в отношения экономические.

Весь этот процесс детально изучен и описан в литературе, но нам важно подчеркнуть, что именно на этом этапе возникла острая жилищная проблема [13]. Ведь для работодателя важно, чтобы работник был свободным не только от родственных отношений, от средств производства, но и от жилища. Именно в этих условиях семья и жилище стали рассматриваться как отдельные феномены. Ведь если жилища нет, то можно манипулировать поведением работника, как это делалось на протяжении последних столетий, в том числе и в советское время. Между тем в социологии за нормальную форму семьи берут ту, которая сложилась в индустриальном, капиталистическом обществе, в котором семья существует как некая чистая социальная единица, отделенная от жилища и культуры.

Итак, семья есть первичная, кровнородственная социальная взаимосвязь, особая общность и особый социальный институт, но лишая семью материальной культурной основы в виде жилища в теоретической модели семьи нет никаких причин, кроме причины социально-экономической, которая возникла исторически. С самого начала семья есть союз мужчины и женщины, для которого необходимо жилище. Лишь история развела людей и жилище в разные стороны. Можно сказать, что бездомная семья – это семья неполная, а если точнее,

неполноценная точно так же, как семья, не имеющая детей или одного из родителей. Только речь идет в данном случае о социокультурной неполноте.

Семья есть социокультурное оформление отношений любви, которые включают в себя всю гамму отношений, которые складываются между мужчиной и женщиной. В разных культурах они настолько разнообразны, что само описание их составляет предмет исследования многих гуманитарных дисциплин, включая социальную антропологию [14]. Но для нас важно подчеркнуть, что в литературе больше обращают внимание на пол, возраст, экономическую сторону семейных отношений, но в меньшей степени на жилище [15–17]. И мы только в общей форме отметим, что если животные свое жилище создают индивидуально и по инстинкту, то жилище семьи человека всегда есть общественный продукт и обладает определенной культурной формой, выраженной в архитектурных, строительных, фольклорных, коммуникационных, частных и прочих элементах [18]. Даже если жилище человека создается индивидуально, все равно оно должно вписываться во всю систему общественных отношений, в доминирующую социокультурную среду, чтобы стать семейным домом. Поэтому существуют типы общества, для которых создание жилища является одной из главных целей производства, а есть типы общества, которые воспроизводят бездомность как свою существенную черту¹.

Социокультурная форма семьи как основа решения жилищной проблемы

Современные исследователи приходят к выводу, что социокультурная форма семьи приобретает практическое значение. В частности, она должна быть основой решения жилищной проблемы. Так, автор одной из диссертаций, констатируя факт, что в настоящее время «обостряется проблема несоответствия существующих типов жилых домов, особенно периода 60–90-х гг., по структуре, комнатности и площадям квартир действительным потребностям различных социальных слоев населения и уровням комфорта» [20, с. 61], приходит к выводу, что необходим новый подход к решению жилищной проблемы. Подход такой: в построении жилищной программы надо исходить из «модели жилой ячейки» [20, с. 23], а не из общих параметров социальной системы. Иначе говоря, надо исходить из закономерностей развития семейного дома и домовой структуры общества, которая задается развитием семьи, а не из параметров развития общества. Такое переориентирование направления решения жилищной пробле-

мы должно быть основой жилищной политики государства. Ясно, что обживание гигантской российской территории, застройка ее домами требует учета не только демографических, социально-экономических параметров, но и этнокультурных. Автор заявляет, что «результаты исследований комфорта жилища средствами социологии раскрывают важнейшие стороны архитектуры как через видение жителей, так и через видение исследователей» [20, с. 8]. Хотелось бы только добавить, что необходимы также исследования общества в целом с точки зрения его потенциалов и способностей решения жилищной проблемы. Грубо говоря, для того чтобы обществу заказывать свойства будущих домовладельцев, необходимо сделать так, чтобы это общество было «домопроизводительным». Безусловно, это во многом социологическая проблема, а не только архитектурная. Или это такая архитектурная проблема, решение которой невозможно без решения целого ряда социокультурных проблем. Как отмечается в цитируемом исследовании, в решении жилищной проблемы всегда видна «особая значимость применения самобытных форм и особенностей культуры народа, воспитанного под влиянием местных климатических условий, религиозных воззрений, обычаев, нравов и преданий» [20, с. 17]. При таком подходе возрастает роль социологических исследований социокультурной среды и переосмысления феномена семьи, которая призвана быть субъектом строительства дома и его обживания.

Развитие частной и публичной жизни как социокультурный механизм развития семьи

Если домашний фактор часто рассматривается как внешний в исследовании семьи, то в исследовании частной жизни ситуация противоположная: дом рассматривается как главное ее пространство, то есть семья связывается с наличием жилища косвенно, а частная жизнь – напрямую.

Например, дом определяется как «помещение, наполненное вещами, светом, звуками и запахами, где вырастает интимная история семьи или в котором разворачивается стилизованное театральное представление ультрамодной жизни» [21]. Еще более определенно непосредственную идентичность дома и частной жизни утверждает другой автор: «Очевидно, – пишет С.В. Климова, – что дом, выполняя функцию защиты и обеспечения безопасности, возможен лишь как нечто обрамленное, имеющее границы. Дом имеет стены, разрешающие и охраняющие приватную жизнь, и не в последнюю очередь благодаря им установлена граница

между двумя мирами: миром частной жизни и миром публичным. Достаточно пройти сквозь двери, чтобы оставить за собой один мир и столкнуться с другим» [22]. И.П. Полякова утверждает еще более решительно, соглашаясь с В.В. Розановым, что «дом, частная жизнь, мир повседневных забот – это своего рода укрытие от всепроникающего света публичности» [23]. Эта идея развивается в статье львовских социологов [24].

Такая концепция дома выглядит очень привлекательной. Действительно, семейный дом есть первичное социокультурное пространство, которое позволяет соединить в себе другие элементы обывденного мира в процессе воспроизводства базовых структур частной жизни человека. Но, пройдя сквозь двери этого дома, он встречает другие формы приватного бытия, хотя и не семейного. Кроме того, в самой квартире есть элементы публичного бытия: телевидение, работа на дому, всеобщая информационная доступность по телефону, Интернету и электронной почте и др. Пребывание человека в его жилище стало делом рискованным, и он постоянно находится под угрозой с самых разных сторон, часто неожиданных. И как бы семья ни бронировала свою квартиру, какую бы сигнализацию она ни ставила, какой бы охраной ни обзаводилась, всегда остается еще какой-то всемогущий субъект, который может проникнуть через все системы безопасности, будь это враг, бандит, вор, сантехник, полицейский, врач и другой в силу своей способности, или семья кого-то впускает сама. Или представитель самой системы охраны дома, призванный его охранять, становится источником угрозы для него. Наконец, под покровом частного дома, как показывает социально-историческая практика, совершается больше всего актов насилия над личностью и других преступлений.

Таким образом, семья не является единственным субъектом частной жизни, и не только в доме существуют ее элементы. Чтобы понять, как сформировался стереотип, что частная жизнь связана с семьей и домом, нужно обратиться к истории. Дифференциация социальной жизни на частную и публичную сферы была не всегда. Согласимся, что частную жизнь можно считать «*утонченным результатом* некоторого общественного процесса», который «выступает со стороны индивида таким образом, что его собственная духовная и природная особенность придает себе вместе с тем форму общественной особенности» [25, с. 451]. Социальный феномен частной жизни, когда «собственная духовная и природная особенность» человека становится

«общественной особенностью», появляется тогда, когда для этого возникают исторические условия: экономические (город, индивидуализация жилища, частная собственность, свободный труд и др.), социально-политические (партии, общественные организации и др.), правовые (законы о неприкосновенности частной жизни, гражданское законодательство и др.), духовные (поэзия, живопись, общее образование и др.). Частная сфера стала источником мотивации в экономике в виде культуры наслаждения. Для этой культуры понадобилось обособленное пространство, которое и стало сферой частной жизни. Для ее воспроизводства понадобилась общественная индустрия (сменившая домашнее производство), способная удовлетворять многообразные частные интересы, вкусы и пристрастия не только священников, дворян и «третьего сословия», но и всего общества. Усилению сферы частного способствовали институты демократического государства, основанные на принципах гражданского равенства, веротерпимости, индивидуальной свободы, свободы слова и утилитаристской морали, позволяющей культивировать частные потребности любого члена общества. Так сформировалась новая публичная сфера, которая способствовала развитию частной жизни, которая, в свою очередь, вызвала необходимость новых форм жизни публичной. Как только частное и публичное получили устойчивое закрепление за определенными институтами и пространствами, вещами и духовными ценностями, так их различие и взаимодействие стало упорядочиваться в определенных формах культуры. К частной жизни были отнесены сферы быта и досуга, бульварной литературы и салонной поэзии, журналистики и публицистики, сети клубов по интересам, кафе и др. Как отмечается в литературе, «возникли и воцарились совершенно иные законы публичной и частной нравственности» [26, с. 6]. Отметим еще, что с помощью церкви семья всегда подвергалась сакрализации, этому же процессу в соединении с культурой декаданса стала подвергаться частная жизнь, что нашло воплощение в формуле, которую предложил В.В. Розанов: «"Мой Бог" – бесконечная моя интимность, бесконечная моя индивидуальность» [27, с. 230], – писал В.В. Розанов сто лет назад.

В самом начале Нового времени переживание отделения частного и публичного в семье носило драматичный характер. Для формирующегося слоя буржуа (филистеров, мещан, обывателей) жизненным миром стал дом, который одновременно превратился в крепость этого

мира, за стенами которой происходили скрытые от социального контроля события. Идея «мой дом — моя крепость» сделалась лозунгом целой эпохи. Идея неприкосновенности частной жизни, охраняемой законом, ее неизбежности и священности стала духовной основой развития частной собственности и свободной индивидуальности человека в современном обществе. В таком ее понимании она и приобрела форму стереотипа.

Но если демифологизировать частную жизнь, мы увидим, что в настоящее время приватная жизнь представляет собой сложнейшую и противоречивую сферу жизни не только отдельного человека, но и общества, поэтому существует не только в пространстве дома. Частные формы жизни стали публичными, а публичные – трансформировались в область частных интересов. Это объясняется тем, что частная жизнь не может существовать без помощи конструктивных по отношению к ней публичных институтов и развиваться без них.

Следовательно, нужно не углублять замкнутость сферы частной жизни, а развивать публичные сферы таким образом, чтобы они способствовали развитию приватной сферы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что содержание частной жизни в современном обществе стало воспроизводиться больше не в пространстве дома, а в сфере общественного производства. Нет таких продуктов, которые не включали бы в свое содержание элементы частной жизни человека: формы женской и мужской телесности, язык интимной жизни, призывы к душевности и др. Возникли специальные механизмы, которые обогащают содержание частной жизни за счет приватизации элементов общественной сферы жизни: культивирование потребительских интересов, доместикация культуры, психологизация общественных процессов и др.

Все эти взаимопереходы становятся возможными в силу того, что частное и публичное находятся лишь в кажущейся противоположности, так как человек есть существо общественное, и его единая общественная природа лишь проявляется в различных формах. Отчужденный характер публичной сферы и стремление к уединению для того, чтобы в своей домашней жизни вернуть себе личное достоинство, утраченное вне дома, имеет исторический и преходящий характер. Частная жизнь как сфера развития индивидуальности человека есть очень хрупкая сфера общества, но это есть цвет ее, поэтому, пробиваясь через деструктивные формы публичности, она не может быть субстанци-

ей общества без своей противоположности. Поэтому жилой дом, который наделяется статусом главной сферы частного, необходимым образом включает в себя различные публичные стороны и функции. Миф о доме как единственном пространстве частной жизни греет человеку душу, но не выдерживает критики. Локализация частной жизни в пространстве жилища при отсутствии должной культуры отношений может привести к насилию в семье и к другим формам девиации: одиночеству, алкоголизму, наркомании и др. С другой стороны, под покровом невмешательства в частную жизнь тайно может осуществляться слежение за частной жизнью со стороны органов безопасности и папарацци. Разумеется, отсутствие социального контроля в сфере частного и возникновение различных форм девиации дает работу психотерапевтам и психоаналитикам. Однако, как только заходит речь об открытом социальном контроле над сферой частной жизни, нас начинают пугать тоталитаризмом, возвратом к казарменному обществу, к мрачному средневековью. Но кто же сказал, что контроль должен быть полицейским, партийным, идеологическим и прочим силовым? Есть и другие формы контроля, которые и контролем, собственно говоря, назвать нельзя.

Дело ведь совсем не в контроле, а в регуляции семейных отношений и отношений в сфере частной жизни. По сути дела необходимо формировать особую культуру частной жизни, которая будет неразрывно связана с публичной сферой: социальную культуру. Именно социальная культура должна быть формой социального контроля, а не нормы права и не полиция нравов. Если этого не будет, если не сформируется влиятельная культура социальной сферы, то возникнет другая крайность – всеобщая распушенность, разрушение всех социальных норм, проституция, распад семьи. С чем мы сейчас и столкнулись.

Подводя итоги анализа проблемы, отметим, что дом есть наиболее близкое социокультурное пространство, которое позволяет соединить в себе другие элементы обывательского мира на основе воспроизводства частной жизни человека. Дом есть не только жилище, но и примыкающая к нему привычная среда обитания, включая двор, улицу, деревню, город, лес, речку, место работы и многое другое, что часто называют «малой родиной». Но это может быть и сфера непосредственного общения по телефону, личная переписка, обмен информацией через компьютерную сеть, процесс личного потребления, особый способ

проведения досуга, вкусы и прихоти в приготовлении пищи, индивидуальные модели одежды. В то же время дом есть наиболее концентрированное выражение структуры сферы частной жизни, сама частная жизнь в ее опредмеченном виде. Но это не значит, что жилой дом – «это место, где можно сбросить амуницию и распаковаться, где ничего никому не нужно доказывать и ни перед кем защищаться, где все справедливо, бесспорно и привычно» [28, с. 147]. Амуницию можно сбросить, но надо всегда держать ее наготове, чтобы в любой момент выйти в публичную сферу жизни. Распаковаться тоже можно, но надо это делать лишь тогда, когда в доме все есть и ничто ему не угрожает. Что касается необходимости доказывать свое пребывание в доме, то это приходится делать постоянно, уплачивая вовремя налоги и коммунальные и прочие услуги, которые предоставляются дому. Да и защищаться человеку приходится тоже часто: от непогоды и от постоянных поломок. Что касается бесспорности и привычности, то такое ощущение тоже непостоянно, поэтому в любом доме, особенно малометражном, постоянно идут перестановки мебели.

С этой точки зрения, социология должна изменить свое отношение к факту рождения семьи. По сути дела социологи часто идут на поводу у юристов, считая, что семья рождается оформлением брака. И все же социолог может поздравить семью с ее рождением тогда, когда она сложится как единый социальный организм в едином социокультурном пространстве, то есть в семейном доме. Когда это произойдет – вопрос, который требует не формального ответа, а конкретного социокультурного исследования. Государство могло бы создать не только службы регистрации брака, но и центры по управлению формированием и развитием семьи, в которых можно было бы проводить соответствующие мониторинги. Однако пока что семьи лишены такой общественной и научной заботы, поэтому большинство семей распадается, хотя могли бы быть счастливыми, поскольку первые браки возникают по любви. Но современное общество таково по характеру, что было заинтересовано в сохранении такой семьи. Жилище и взаимодействие частной и публичной жизни играют свою традиционную роль, приобретают новые функции, но вопрос о становлении альтернативной формы семьи как социокультурного феномена в целом остается открытым.

Примечания

1. Как отмечается в сети [19], «в Евросоюзе насчитывается 11 млн пустых домов – достаточно, чтобы каждый европейский бездомный получил по два жилища, сообщает британская газета The Guardian».

Список литературы

1. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Рингс, 2008. 448 с.
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 тт. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 481–558.
4. Эльконин Д.Б. Детская психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Издат. центр «Академия», 2007. 384 с.
5. Козырьков В.П. Направления и формы домостроения современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2010. Вып. 1. С. 20–26.
6. Козырьков В.П. Жилой дом как форма интеграции социокультурного потенциала развития человека // Гуманизм и современность. Материалы Международной научно-образовательной конференции (8–9 ноября 2013 г.) / Под ред. Т.М. Шатуновой. Казань: Казан. ун-т, 2013. С. 123–130.
7. Козырьков В.П. Символ пещеры в философии дома Платона и Пастернака // Философские науки. 2014. № 10. М.: Гуманитарий, 2014. С. 68–83.
8. Социология семьи. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E1%E6%E8%E8%E8%E3%E8%FF_%F1%E5%EC%FC%E8 (дата обращения – 8.05.2015).
9. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
10. Социология / Под ред. В.И. Лавриненко. 2-е изд., перер. и доп. М.: Юнити-Дана, 2002. 407 с.
11. Барсукова С.Ю. Сущность и функции домашней экономики, способы измерения домашнего труда // СОЦИС. 2003. № 12. С. 21–31.
12. Козырьков В.П. Теоретические проблемы становления социологии дома // Личность. Культура. Общество. Том. XI. Вып. 1. 2009. №№ 46–47. С. 301–309.
13. Семья, дом и узы родства в истории. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2004. 288 с.
14. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
15. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 192 с.
16. Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. 196 с.
17. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1998. 448 с.
18. Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М.: Три квадрата, 2001. 191 с.
19. Наш город. Даугавпилсский новостной портал. URL: <http://www.gorod.lv/novosti/222365-the-guardian-v-evrope-11-mln-pustyh-domov> (дата обращения – 12.05.2015).
20. Лыжин С.М. Архитектура и структура жилищного фонда города (на примере городов Урала). Автореф. дис. ... д. архитектуры. М.: Моск. архитектурный институт (Государственная академия), 2006. 65 с.
21. Разова Е. Дом. Экзистенциальное пространство человека. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/razova/index.html> (дата обращения – 8.05.2015).
22. Климова С.В. Дом и мир: проблема частного и публичного. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/public.html> (дата обращения – 8.05.2015).
23. Полякова И.П. Дом как пространство повседневности. Роль Дома в философии В.В. Розанова. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/715> (дата обращения – 8.05.2015).
24. Ручка А.О., Скокова Л.Г. Дом как частное социокультурное пространство // Вестн. Львовского ун-та. Сер. «Социология». 2008. Вып. 2. С. 162–181.
25. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 2. М.: Политиздат, 1969. С. 407–496.
26. Фукс Э. Erotika. Буржуазный век: Конвейер удовольствий. М.: Диадема-Пресс, 2001. 800 с.
27. Розанов В.В. Соч.: В 3 тт. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 193–274.
28. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154.

**SOCIOCULTURAL CONCEPT OF FAMILY:
FACTORS, FORMS AND MECHANISMS OF ITS FORMATION**

V.P. Kozyrkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The article analyzes the emerging trends of development of the family in terms of sociocultural content of the home. The author hypothesizes that an alternative form of family is not the negation of the existing forms, but their development by enriching family relations with essential elements of culture, the growth of the home communications capabilities and its interaction with the public sphere. With the emergence of electronic communication technologies, enriched by previous forms of culture of family relations, the family home not only becomes «smart», but is also included into a broader socio-cultural environment. The author shows that the mechanism of reproduction of the environment and the sociocultural content of the home is based on the interaction between private and public life.

Keywords: sociology, stereotype, family, family form, dwelling, culture, social communications, sociocultural concept.